
Юлий Яковлевич
ОЛЬСЕВИЧ

Современный кризис «мейнстрима»
в оценках его представителей
(предварительный анализ)

Москва
Институт экономики
2013

Ольсевич Ю.Я. Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей (предварительный анализ). – М.: Институт экономики РАН, 2013. – 46 с.

ISBN 978-5-9940-0420-3

В докладе рассматриваются выступления в печати видных представителей «мейнстрима» с анализом современного состояния этого главного течения в экономической теории. В «послекризисных» книгах и статьях нобелевских лауреатов Акерлофа, Стиглица, Спенса, Солоу и ряда других видных авторов поставлен вопрос о пересмотре базовых постулатов теории и методологии (неизменности предпочтений, рациональности субъектов рынка и их единообразия, способности рынка к саморегулированию, принципиальной применимости для прогнозов макроэкономического математического моделирования и др.), а также самого предмета экономической теории и методов ее преподавания.

Излагаются предположения о возможных путях и формах дальнейшего развития экономической науки.

ISBN 978-5-9940-0420-3

©
Ольсевич Ю.Я.,
2013

©
Институт экономики РАН,
2013

©
Валериус В.Е.,
дизайн,
2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Джеффри Сакс как идеологический барометр.....	4
Прощание с доктором Панглосом.....	6
Глава I.	
Аксиомы под сомнением.....	10
1.1. Длинный перечень «подозреваемых».....	10
1.2. Призыв отказаться от аксиомы «фактически выявленных предпочтений».....	12
1.3. Асимметрия информации и предсказуемая иррациональность.....	14
Глава II.	
Кризис 2008–2009 гг. и макроэкономические модели.....	18
2.1. «Новый макроэкономический синтез» и его крушение.....	19
2.2. За радикальный пересмотр предмета экономической науки.....	25
2.3. Об истории разработки, использования центробанками макроэкономических моделей и причинах провала.....	27
Глава III.	
Концепция «периодического долговременного нарастания систем- ного риска» против принципа «общего равновесия».....	34
Заключение	40
Фундаментальная неопределенность рынка как дамоклов меч над мейнстримом.....	40
Литература	44

Сейчас идет речь о возвращении к гуманному капитализму или гуманному социализму — называйте, как хотите.

Руслан Гринберг.

Задача доклада ограничена: представить некоторый исходный материал, характеризующий современное состояние «мейнстрим экономикс». При этом упор сделан на суждения известных представителей этого течения о его эволюции в предкризисные годы и причинах его последующей дискредитации. Материал доклада не претендует на полноту, а его анализ — всего лишь один из первых шагов в попытках определить главное направление дальнейшей эволюции экономической теории.

ВВЕДЕНИЕ

Джеффри Сакс как идеологический барометр

«Переоценка ценностей» в мейнстриме происходит на определенном социально-политическом и идеологическом фоне, преобладающем в «академических» (т.е. университетских) кругах США и Западной Европы. Мы полагаем, что этот широкий фон лучше всего отразила книга Дж. Сакса «Цена цивилизации», изданная на русском языке в 2012 г.¹ Ее автор — профессор Гарвардского университета Джеффри Сакс — фигура, хорошо известная в России. В 1991–1994 г. он, являясь фактически эмиссаром МВФ, возглавлял группу иностранных экономических советников при Совете Министров РФ, следивших за выполнением требований «шоковой теории». Будучи горячим сторонником идей «Вашингтонского консенсуса» и «рейганомики», он во многих

1. Джеффри С. Цена цивилизации. М.: Изд-во института Гайдара. 2012. (Далее ссылки даются в тексте в скобках после цитат.)

странах действовал как миссионер американской политики «де-регулирувания» и либерализации.

Ирония состоит в том, что ранее, до начала 1980-х гг., он был «учеником великого Самуэльсона», сторонником «смешанной экономики» и государственного регулирования. А затем, вместе с большинством американских экономистов, перешел в лагерь своих теоретических противников — монетаристов.

Но вот грянул кризис 2008–2009 гг., и Сакс тут же «вспомнил», что он — «ученик Самуэльсона», враг либертарианства. И написал книгу, в которой клеймит Рейгана, монетаризм и алчность американской элиты, требует вернуться в «золотой век» регулируемой экономики 1940-х — 1970-х гг. Мы осмелимся предположить, что Сакс — типичная фигура американского профессора, изощренного прагматика и перебежчика.

Конечно, развивают науку и «делают теории» не саксы, но они создают тот морально-политический фон, на котором «академические» теории «делаются». Поэтому послушаем Сакса: «Я глубоко удивлен и расстроен тем, что должен писать эту книгу. Большую часть из 40 лет моей жизни профессионального экономиста я считал, что Америка с ее огромными богатствами, глубокими знаниями, передовыми технологиями и демократическими институтами найдет путь к совершенному обществу... Теперь я озабочен состоянием моей страны: экономический кризис последних лет отражает глубокую, пугающую и продолжающуюся деградацию американской национальной политики и культуры власти» (с.11-12). И далее: «Американская экономика всё больше служит лишь узкой части общества... Слишком многие в американской элите из числа сверхбогатых и представителей высшего звена управления корпорациями и слишком много из моих коллег по академическому сообществу отреклись от социальной ответственности. Эти люди гонятся за богатством и властью — до всего остального им нет дела» (с.13).

«...Нет никаких сомнений в том, что рейганомика дала выход огромной, скрытой прежде алчности, поразившей политическую систему и преследующей Америку до сего дня» (с.46).

В параграфе «Либертарианский экстремизм» Сакс поучает коллег, защитников либертарианских свобод: «Та неогра-

ническая алчность, которая ныне бушует в Америке, ведет не к подлинной свободе, а к корпоративной преступности и мошенничеству, не к демократии, а к политике, преследующей особые, узкие интересы» (с. 65).

Сакс требует от экономистов и политиков встать на позиции «смешанной экономики», ибо «сам по себе рынок не имеет механизмов для достижения трех основных целей — эффективности, справедливости и устойчивости. Рыночную систему необходимо дополнить государственными институтами» (с. 67).

Прощание с доктором Панглосом

Главная претензия властвующей элиты к экономической науке — почему она не предсказала глобального кризиса 2008–2009 гг.?

Вместе с этой элитой «мейнстрим экономикс» вплоть до последнего дня перед кризисом воспевала успехи и высокую доходность той системы «спекулятивного капитализма», которая была построена за три предшествовавших кризису десятилетия. Если представить невероятное — вдруг эти ученые встали бы в оппозицию к властвующей элите и заявили: система идет к катастрофе, нужны срочные меры по спасению — их бы никто не слушал, как тех, кто пророчествует близкий конец света².

Кейнса с его теорией породила Великая депрессия 1930-х гг., но Кейнс не предсказал этой депрессии. Он задним числом объяснил ее причины, указал пути выхода из нее и фактически предсказал трансформацию стихийного капитализма в регулируемую систему на послевоенные четверть века, до 1970-х гг. Но ее банкротства он не предвидел.

Милтон Фридман, отец «монетаризма», не побоялся на рубеже 1960–1970-х гг. встать в оппозицию к господствовавшей «дирижистской» элите и кейнсианской науке, его теория объяснила «стагфляцию» 1970-х гг. и фактически предсказала неизбежность смены дирижизма системой либертарианского «спекулятивного капитализма». Фридман умер в 2006 г., в полной уверенности

2. В этом убедился Дж. Стиглиц, выступая с предупреждением в начале 2008 г. на Давосском форуме перед международной финансовой элитой.

в жизнеспособности этой системы, но она скандально рухнула через два года.

Нелишне вспомнить и марксизм, который предсказал (частично) крушение капитализма и пришествие госсocialизма, но оказался не в состоянии предвидеть его крах.

Это свидетельствует о том, что творцы экономических теорий не способны предвидеть крушения той системы, в построении которой они либо их последователи принимали активное участие. В процессе построения теоретической модели новой системы идеологическая ангажированность ученого проявляется в том, что реалистический выбор аксиом и необходимое абстрагирование от несущественного подменяются предвзятостью, идеализацией, отказом от включения в конструируемую модель всего того, что в перспективе способно ее разрушить «изнутри».

Способна ли та экономическая наука, которая находится под непосредственным влиянием властвующей элиты, создавать такие теоретические модели действующей системы, которые включают реальные факторы ее потенциального разрушения? От ответа на этот неприятный вопрос зависит прогностическая способность науки. Если властвующая элита нуждается в реалистических прогнозах, она должна будет расстаться со своим любимцем доктором Панглосом, уверявшим, что «все к лучшему в этом лучшем из миров».

Можно усмотреть первые признаки поворота науки к исследованию реальной ситуации в тех показателях финансовых дисбалансов в национальных экономиках, которые после кризиса 2008–2009 гг. предложили эксперты G-20 (уровень государственного долга, бюджетный дефицит, долг частного сектора, доля сбережений в доходах населения, внешние дисбалансы), и методы анализа этих показателей (включая сравнительно-исторический).

Кризис показал, что пренебрежение к реалистичности исходных посылок экономической теории, чем грешил «мейнстрим», дорого обошлось самой теории, чей авторитет в результате кризиса опустился «ниже плинтуса».

Оценка последствий кризиса для экономической науки зависит от ряда факторов, в том числе от того, как понимается характер самого кризиса, и от оценки докризисного состоя-

ния этой науки. Те экономисты, которые характеризуют кризис 2008–2009 гг. как обычный циклический либо как следствие ошибок государственной политики, а докризисное состояние науки — как вполне удовлетворительное (в принципе), не считают, что под влиянием кризиса в науке произойдут существенные изменения. Конечно, усилится внимание к прогнозным исследованиям, к изучению цикличности роста, к проблеме макроэкономического риска, к задачам государственного антициклического регулирования, однако отказа от основных теоретических позиций мейнстрима не последует.

В то же время существуют весьма авторитетные экономисты, которые полагают, что кризис 2008–2009 гг. — это не обычный циклический кризис, а кризис системный. Не в том смысле, что это кризис основ рыночно-капиталистической системы, а в том, что он порожден конкретной формой (моделью) этой системы, которая сложилась в 1980-е — 1990-е гг. Эти экономисты полагают, что сложившаяся форма капитализма требует реформирования, а теория мейнстрима — пересмотра. Докризисная наука «мейнстрима» (монетаризм, теория рациональных ожиданий и др.) сама участвовала в создании этой модели, она с ней органически связана и поэтому тоже нуждается в реформировании.

Можно предположить, что дальнейшая эволюция экономической теории будет зависеть от того, в какой степени и в каких направлениях будут проводиться институциональные реформы и меры по государственному регулированию на разных уровнях и в разных сферах хозяйства (пока эти реформы и меры носят частичный либо конъюнктурный характер).

Остаются открытыми две группы вопросов.

1. Ясно, что сложившаяся теория будет всеми силами стараться адаптироваться и развивать себя в направлениях, отвечающих «социальному заказу». *Но насколько это возможно без пересмотра ее исходных посылок?*
2. Критики мейнстрима обладают рядом конкретных разработанных концепций, альтернативных мейнстриму, но не обладают новой альтернативной общей теорией (посткейнсианство и неомарксизм новой альтернативой служить не могут). *Способны ли критики*

мейнстрима выдвинуть в ближайшие годы альтернативную ему новую общую теорию хозяйства (например, единую теорию институциональной и воспроизводственной эволюции)?

Поскольку, по нашему мнению, ответ на оба вопроса следует дать скорее отрицательный, то можно высказать следующее предположение относительно основного направления эволюции экономической теории на ближайшее десятилетие. Оно будет состоять в разнообразных попытках соединить, «сцепить» основные блоки теории мейнстрима с блоками «посткейсианской» и «поведенческой» теории, в попытках перейти от методологии детерминизма к релятивизму, от рационализма к психологизму, от одноуровневого к многослойному анализу.

Такие попытки могут дать результат только при условии, что теоретики будут руководствоваться не принципами «оптимальности» либо «гармонии» (по Панглосу), а задачей приближения к реальности, т.е. к взаимодействию конструктивных, инерционных и разрушительных сил внутри хозяйства.

Аксиомы под сомнением

1.1. *Длинный перечень «подозреваемых»*

Базовая общая аксиома (предпосылка) «мейнстрима», принимаемая его участниками на протяжении предкризисных четверти века «по умолчанию» – это представление о саморегулируемом рынке, способном функционировать и развиваться без государственного вмешательства, обеспечивая при этом рост эффективности и «очищение», т.е. высокую степень использования трудовых и иных ресурсов.

Кризис 2008–2009 гг. расколол научное сообщество (включая и «мейнстрим»). Консервативная его часть объясняет этот кризис не эндогенными факторами рынка, а деформирующим воздействием государственного регулирования, решавшего не задачу укреплять рыночные силы, а социально-политические задачи в ущерб рыночному механизму. Реформаторская часть, напротив, полагает, что кризис имел эндогенное происхождение, порожден стихийными силами рынка, «выпущенными на простор» политикой дерегулирования.

Если первые сохраняют верность базовой предпосылке «саморегулируемого рынка», но требуют пересмотреть всю систему взглядов на роль государства в экономике, то вторые, напротив, считают необходимым подвергнуть коренной ревизии как эту базовую предпосылку, так и все элементы, составляющие теорию общего рыночного равновесия и соответствующие динамические модели. Таким образом, все составляющие элементы и теории общего рыночного равновесия, и теории государственного регулирования поставлены под сомнение и превратились в объекты острых дискуссий. Разногласия развивались по многим проблемам и до этого, но кризис придал им новую глубину и всеохватывающий характер.

Под сомнением оказались следующие «частные» аксиомы, являющиеся «кирпичиками», составляющими общую «базовую» аксиому:

- прежде всего, это утверждение, что устойчивые «выявленные предпочтения» определяют «рыночный выбор» субъектов рынка;
- далее, это аксиома о полной информированности и рациональности субъектов рынка;
- следующее допущение – трактовка субъектов рынка как «представительных агентов» – единообразных добросовестных индивидов и фирм;
- важные допущения в отношении ценообразования: цены определяются предельными значениями издержек и полезности;
- представление, что мотивация субъектов рынка (заработная плата, доход на капитал, прочие доходы) определяется по общим законам рыночного ценообразования;
- утверждение, что эволюция институтов и организаций рынка, происходящая в условиях конкуренции, ведет к отбору наиболее эффективных фирм и наиболее эффективных инструментов (видов ценных бумаг, форм контрактов);
- циклические колебания рынка в ходе роста возникают вследствие воздействия толчков от случайного «наложения» разнородных экзогенных факторов (технических изобретений, изменений в структуре спроса, социальных, политических, военных потрясений, резких изменений в государственной политике). Это положение также рассматривается критиками как бездоказательное допущение.

Положения теории государственного макрорегулирования, которые большинством экономистов принимались как бесспорные допущения, также поставлены под сомнение. Если раньше критиками отрицалась эффективность регулирования занятости и роста посредством манипуляций со ставкой процента, то теперь отвергается сама допустимость таких манипуляций.

Если раньше бюджетная политика (налоги, расходы) рассматривались как эффективный рычаг макрорегулирования, то теперь и это отвергается. Отвергается как несостоятельная посылка о положительном эффекте для рынка государственного страхования кредитов и поддержки банков и других организаций финансового и реального сектора, использование в качестве средства регулирования рынка государственного долга.

Подвергается критике и предпосылка о благотворном влиянии на эффективность рыночного равновесия свободного международного движения капиталов, свободного плавающего курса валют, не связанных с золотом.

Следует отметить, что в ходе дискуссии и критики не подвергается сомнению постулат о необходимости рыночно-капиталистической организации хозяйства. Однако при этом рядом критиков отвергается аксиома о том, что частная собственность во всех случаях более эффективна, чем государственная.

Хозяйство представляет собой развивающуюся и во многом непредсказуемо изменяющуюся систему, поэтому ни сама теория, ни ее аксиомы (взятые из опыта и зафиксированные идеологией) не могут быть постоянными. В данном докладе речь идет об аксиоматике, характерной для теорий мейнстрима на протяжении трех десятилетий перед кризисом 2008–2009 гг., и их критике, порожденной либо резко усилившейся в связи с этим кризисом и его последствиями.

1.2. *Призыв отказаться от аксиомы «фактически выявленных предпочтений»*

В статье «Ошибки относительно предпочтений в социальных науках» Даниел М. Хаузман (США) подвергает критике тезис П. Самуэльсона (выдвинутый в 1938 г. и с тех пор считающийся общепринятым), согласно которому одну из основ теории общего рыночного равновесия составляет рыночный выбор агентов рынка, выявляющий их субъективные предпочтения³.

3. Hausman Daniel M. Mistakes about preferences in the social sciences // Philosophy of the social sciences. 2011. 41:3, published by "Sage". Далее ссылки даются на страницы этого источника в тексте в скобках.

Эти фактические предпочтения якобы отражают субъективные вкусы и наклонности агентов и не подлежат рациональной критике с точки зрения их правильности или ошибочности. Тем самым и рыночный выбор агентов нельзя оценивать рационально-критически. По мнению Хаузмана, такой подход закрывает путь к предвидению рыночного поведения агентов, которое в значительной степени является рациональной (правильной либо ошибочной) реакцией на поступающую информацию.

«Экономисты, конечно, должны определять свои технические понятия и объяснять обычное их применение, но при этом они обязаны практиковать именно то, что сами проповедают. На деле же получается, что экономисты не могут обходиться без такого понимания субъективных предпочтений, которое не может быть объяснено выбором. Например, при данных базовых предпочтениях инвесторов в пользу высоких доходностей и низких рисков предсказуемы одновременно и бум на рынке секьюритизированных ипотечных бумаг, и коллапс этого рынка, если появится новая информация о рисках. «Базовые» предпочтения высоких доходностей и низких рисков – это не выявленные предпочтения; это субъективные предпочтения, которые, будучи объединены с мнениями (beliefs), приводят в результате к выбору⁴. Теоретики выявленных предпочтений не смогли бы предвидеть последствия получения информации о высоких рисках, связанных с этими ипотечными ценными бумагами.

Поскольку экономисты более озабочены последствиями выбора, чем предвидением или объяснением выбора, у некоторых может появиться искушение игнорировать это ограничение как маловажное для их задач. Но это ограничение вряд ли малозначимое. Отказ от всякой попытки предсказать, как влияют на выбор индивидов или фирм изменения в информации, будет означать радикальное изменение самой экономической теории» (с.18).

Хаузман не отрицает связи между выбором и предпочтениями, но полагает, что она опосредствована «мнениями»

4. «Belief» в зависимости от контекста может быть переведено как 1) вера, доверие; 2) убеждение, мнение; 3) верование (см.: Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: «Русский язык», 1989. С. 70). Поскольку в статье Д. Хаузмана «belief» изменяется в зависимости от конъюнктурной информации и поэтому противопоставляется «preference» (отражающему вкусы, наклонности субъекта), то здесь целесообразно belief перевести как «мнение».

как самостоятельным фактором, зависящим от информации. «Суть состоит в том, что отношения между выборами и предпочтениями, о которых у экономистов идет речь, опосредованы мнениями. Экономисты могут выводить предпочтения из выборов или выборы из предпочтений только при данной информации или данных предположениях о мнениях агентов. Кардинально различные предпочтения способны вести к одинаковым действиям в зависимости от мнений агентов. Выбор сам по себе не может выражать предпочтение, ибо, при правильном наборе мнений, любой набор выборов совместим с любым набором предпочтений. Ни мнения, ни предпочтения не могут быть идентифицированы на основе данных о выборе без допущений относительно одних или других. Теория фактически выявленных предпочтений ошибочна. От нее следовало отказаться еще несколько десятилетий назад» (с. 20).

Вывод о нестабильности базовых предпочтений имеет далеко идущие последствия, ибо подрывает постулат об устойчивости рыночного равновесия и переносит акцент экономической теории со способов эффективного использования редких ресурсов для удовлетворения заданных потребностей на сами эти потребности, к чему ортодоксальная теория явно не готова.

1.3. Асимметрия информации и предсказуемая иррациональность

Аксиоматическое утверждение «мейнстрима» о том, что рынок аккумулирует в ценах всю необходимую агентам рынка информацию для принятия ими рациональных решений, максимизирующих индивидуальную полезность, давно уже подвергалось критике. Предлагалось учесть, во-первых, асимметричность информации у контрагентов, а во-вторых, их ограниченную рациональность.

Кризис дал основание выдвинуть на авансцену требование отказаться вообще от презумпции рациональности и заменить ее аксиомой о «предсказуемо иррациональном» поведении агентов рынка. С таких позиций выступают нобелевские

лауреаты Дж. Стиглиц и Дж. Акерлоф (последний в соавторстве с Р. Шиллером)⁵.

Дж. Стиглиц пишет: «Результаты исследований, проведенных за последние четверть века, показали, что люди действительно ведут себя последовательно, но таким образом, который существенно отличается от вариантов, предсказываемых стандартной моделью рациональности. В этом смысле люди являются предсказуемо иррациональными» (с.300). Стиглиц в качестве характерных примеров указывает на систематическую недооценку реальной зарплаты в отличие от номинальной, на недоучет инфляции на рынке жилья, игнорирование риска банкротства контрагента на финансовых рынках, на иррациональное поведение самих экономистов в условиях кризиса. «Они действовали иррационально, игнорируя ключевые данные, а также демонстрировали иррациональную приверженность идее о том, что рынки являются рациональными, считали, что такие вещи, как пузыри, вообще не существуют, и продолжали верить, что рынки являются эффективными и способными к саморегулированию». (с.301)

Стиглиц при этом ссылается на свое выступление в Давосе в январе 2008 г., где руководители центральных банков не придали значения предупреждениям о серьезных последствиях финансового пузыря, лопнувшего в августе 2007 г. «... Доминировавшие мнения не ставил под сомнение никто из тех, кто заслуживает доверия в их кругу» (с.303).

Дж. Акерлоф и Р. Шиллер, так же, как и Стиглиц, полагают, что «иррациональное начало» надо включить в качестве основы экономического поведения. Однако в отличие от Стиглица они не отказываются и от рационального начала. Согласно этим авторам, иррациональное начало объясняет циклические колебания в пределах примерно 25% ВВП, тогда как не менее 75% ВВП приходится на ту часть рынка, которая относится к области рациональных решений и где сохраняется рыночное равновесие — даже в условиях кризиса.

5. *Стиглиц Д.* Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: «Эксмо», 2011.; *Акерлоф Дж. и Шиллер Р.* Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: Альпина бизнес букс, 2010. Ссылки на страницы этих работ даются в тексте в скобках после цитат.

В понятие «иррациональное начало» Акерлоф и Шиллер включают те же психологические наклонности субъектов рынка, что и Стиглиц: доверие (в данном случае лучше сказать – доверчивость), справедливость, недобросовестность, денежный фетишизм, подражательство, стадное поведение. Они считают себя истинными последователями Кейнса (в отличие от тех, кто выхолостил Кейнса). «Кейнс признавал, что экономическая деятельность имеет по большей части рациональную мотивацию, – но также и то, что значительная часть этой деятельности обусловлена так называемым «иррациональным началом», или иррациональным побудительным импульсом. Даже преследуя свои экономические интересы, люди не всегда рациональны. По мнению Кейнса, это самое иррациональное начало и является главной причиной как экономических колебаний, так и вынужденной безработицы.

Следовательно, чтобы понять экономику, надо выяснить, как ею движет иррациональное начало. Подобно тому, как «невидимая рука» Адама Смита является ключевым понятием классической экономической теории, иррациональное начало Кейнса – это основа иного взгляда на экономику, объясняющего неустойчивость, свойственную капитализму» (с.17).

Акерлоф и Шиллер предупреждают: «...Будучи предоставлена сама себе, капиталистическая экономика всегда будет стремиться к перекосам и излишества, свидетелями чему мы с вами являемся прямо сейчас» (с.18).

Рациональность и иррациональность – это сфера психики субъектов рынка, а рынок в целом – это уже иное качество. Могут ли субъекты рынка действовать рационально, а в итоге рынок будет «перекошен»? И наоборот, каждый субъект иррационален, а рынок – в равновесии? Акерлоф и Шиллер не ставят этих вопросов. У них получается, что критерием рациональности действий субъекта является равновесие всего рынка, о чем субъект знать не может. Однако их упреки в адрес экономической науки справедливы. «Многие профессионалы в области макроэкономики и финансов так далеко зашли в направлении «рациональных ожиданий и эффективных рынков», что вообще не принимают в расчет важнейшие процессы, лежащие в основе экономических кризисов. Если экономические модели не будут включать в себя

иррациональное начало, то мы рискуем вообще не распознать реальный источник всех неприятностей» (с.201).

Акерлоф и Шиллер иллюстрируют свою критику мейнстрима, предлагая представить себе следующую таблицу четырёх вариантов поведения субъектов рынка:

Мотивы \ Реакции	Рациональные	Иррациональные
Экономические	Область теоретиков мейнстрима	?
Неэкономические	?	?

Они пишут: «Существующая экономическая модель заполняет лишь левую верхнюю клетку...» (с.202). Авторы предлагают в существующую модель макроэкономики включить в число факторов, определяющих совокупный спрос, эйфорию и пессимизм (с.206), а в число факторов, определяющих колебания занятости из-за неэластичности зарплат и цен, — стремление к справедливости (с.207–208).

Таким образом, Акерлоф и Шиллер, как и Стиглиц, считают невозможным построить теоретическую модель капитализма, абстрагируясь от основных свойств человеческой психики. Но они идут ещё дальше, призывая учитывать национально-исторический полиморфизм капитализма, его социально-политическую детерминированность. «...У этого экономического строя есть множество форм, обладающих разными свойствами и достоинствами. Спор о том, какая из них больше подходит для нас, уходит корнями вглубь американской истории» (с.206).

Однако Акерлоф и Шиллер не ставят конкретного вопроса — почему критерий макроэкономического равновесия не присутствовал в экономической политике государства на протяжении четверти века до кризиса? Является ли это случайной ошибкой или проявлением психологии правящей элиты?

Кризис 2008–2009 гг. и макроэкономические модели

Современная экономическая наука математизирована, поэтому ее эволюция и кризисные процессы в ней неотделимы от эволюции и кризиса создаваемых ею моделей. Д. Коландер отмечает, что «современная экономическая наука – это наука моделирования, и если вы хотите понимать экономистов, вы должны понять их отношения к моделям... Роберт Солоу пишет: «Сегодня, если вы экономисту мейнстрима зададите вопрос о почти любом аспекте экономической жизни, его ответом будет: предположим, мы моделируем эту ситуацию и смотрим, что получится»⁶.

Далее Коландер, ссылаясь на М. Вудфорда, дает следующую краткую характеристику эволюции макроэкономики за последние полвека: «Эволюционное движение от макроэкономической теории рациональных ожиданий к Новой Классической теории, к моделям DSGE, к нынешней ситуации в макротехории – это самостоятельная история; она проходит через теорию Нового Кейнсианства, теорию реального делового цикла, к Новому макроэкономическому консенсусу Микаэля Вудфорда (2009, Michael Woodford), который соединил строгие предпосылки таких пуритов моделирования DSGE, как Chari-Kehoe (2006) с некоторыми допущениями Нового Кейнсианства, необходимыми, чтобы привести модель DSGE в соответствие с данными. Эти модели Нового Консенсуса теперь используются в числе моделей крупных центральных банков при анализе экономической ситуации...» (с.73)

Следует заметить, что сам Вудфорд говорил о «новом синтезе», а не о «консенсусе», причем в качестве главной теоретической основы этого синтеза Вудфорд называет принцип «общего равновесия». Поэтому полезно познакомиться с концепцией «нового синтеза» из первых рук.

6. Colander D. The MONIAC, Modeling and Macroeconomics / Economy Politica, a XXVIII, numero special, December 2011. P.63 (далее страницы этого источника указываются в скобках, после цитат).

2.1. «Новый макроэкономический синтез» и его крушение

4 января 2008 г. в Новом Орлеане состоялось годовое собрание Американской экономической ассоциации, где на сессии «Конвергенция в макроэкономике» выступил Микаэль Вудфорд с докладом «Конвергенция в макроэкономике: элементы нового синтеза»⁷.

По сути, провозглашалось, что после крушения кейнсианско-неоклассического синтеза в 1970-е гг. и последовавшего раскола и полемики в мейнстриме в 1990-е – 2000-е годы на новой основе восстанавливается единство и возникает новая синтезированной теории. Скажем сразу, что как только грянул кризис 2008–2009 гг., «синтез» и развалился. Можно предположить, что этот быстрый развал обусловлен двумя причинами: искусственным характером соединения разнородных его элементов и тесной связью «синтезированной» теории с оскандалившимися моделями, на основе которых центральные банки США и других стран строили прогнозы и разрабатывали политику.

Тем не менее, поскольку кроме «нового синтеза» никакой общей концепции у «мейнстрима» перед кризисом не существовало, полезно ознакомиться, из каких элементов он состоял. Вудфорд выделяет пять элементов этого «нового синтеза».

«Первое: достигнуто широкое согласие, что макроэкономический анализ должен использовать модели общего равновесия с согласованными межвременными основаниями. Это делает возможным анализировать одновременно как краткосрочные колебания, так и долговременный рост в рамках единой логически последовательной системы» (с.269).

«Второе: также широко согласовано, что анализ количественной политики желательно базировать на экономически проверенных структурных моделях. Первичная цель теоретического анализа в макроэкономике – определить процесс, генерирующий данные, процесс, предполагаемый той или иной структурной моделью, с целью позволить понять, до какой степени предсказания

7. Woodford M. Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // American Economic Journal: Macroeconomics. 2009. N 1 jan., P. 267–279.

модели соответствуют характеристикам агрегированных временных рядов. Методы экономической оценки структурных моделей при гипотетической политике – это определяющая часть инструментального набора современного макроэкономиста. В этом отношении программа макроэконометрических исследований послевоенного кейнсианства остается вполне дееспособной, и ей в значительной мере придал новую жизнь прогресс техники после 1970-х гг.» (с.270).

«Третье: теперь широко принято, что важно моделировать ожидания в качестве эндогенного фактора, и, в частности, в анализе политики решающее значение имеют изменения в ожиданиях в случае принятия альтернативной политики. Это, разумеется, вклад знаменитого Лукаса (1976), выступившего с критикой традиционных методов эконометрической оценки политики» (с.271–272).

«Четвертое: достигнуто широкое согласие в том, что реальные нарушения являются важным источником экономических колебаний. Гипотеза, согласно которой колебания бизнеса могут быть отнесены большей частью на счет экзогенных случайных вариаций в денежной политике, теперь мало кем поддерживается, а возможно, никем» (с.272).

«Пятое: теперь согласовано, что монетарная политика может быть эффективной, особенно как средство контроля над инфляцией... В этом отношении школа монетаризма победила в важном споре с послевоенным кейнсианством. Но это не означает, что изменения в реальной активности, в загрузке мощностей и других факторах, определяющих издержки предложения, не рассматриваются больше как важные непосредственные причины изменений общего уровня цен. Кривая Филлипса живет и здравствует в современной изобилии DSGE моделей, и новая обильная литература подтверждает степень, в которой эволюция показателей предельных издержек способна объяснить вариации в норме инфляции» (с.273-274).

Итак, «новый синтез» означает соединение:

- неоклассической модели общего рыночного равновесия;
- кейнсианской макроэконометрической стохастической модели;

- теории рациональных ожиданий;
- теории реального делового цикла;
- монетаристской теории инфляции.

Все это с ограничивающими оговорками, притупляющими взаимную противоречивость «синтезируемых элементов» и не допускающих перерастание эклектичности во внутреннюю несовместимость.

Позицию, которую занял в отношении «нового синтеза» один из авторитетнейших американских экономистов, нобелевский лауреат (1987 г.) Роберт Солоу, можно назвать, по меньшей мере, противоречивой. Смысл его выступления в Комитете по науке и технологии палаты представителей Конгресса США 20 июля 2010 г. можно свести к таким положениям⁸.

Представив себя как «экономиста мейнстрима», Солоу заявил, что эта доминирующая теория вполне хороша. И менять в ней существенно ничего не нужно, хотя в ней немало нерешенных проблем. Всякая теория есть упрощение реальности, поэтому от теории не следует ждать практических рекомендаций. Реальность чрезвычайно сложна и непрерывно изменяется. В то же время в условиях тяжелого кризиса и его последствий серьезные экономисты могли бы выступить с практическими советами. Но этому помешали тенденции, возобладавшие в «мейнстрим-экономикс». Они состояли в стремлении доказать контрпродуктивность государственного вмешательства в саморегулирование рынка и выразились в построении моделей типа DSGE, создававших иллюзию возможности прогнозирования и регулирования (на их основе) экономического роста. Общую направленность выступления Солоу можно определить следующим образом: теория должна заявлять о своих ограниченных практических возможностях и тем самым оставлять широкий простор для активной и гибкой государственной политики, призванной решать проблемы безработицы, инфляции, циклических колебаний и т.д. Теория способна дать лишь некоторые отправные принципы понимания общих экономических процессов, а дальше субъекты рынка и государство

8. Solow R. Professor Emeritus, MIT. House Committee on Science and Technology, Subcommittee on Investigations and Oversight / Building Science of Economics for the Real World. July 20, 2010. http://en.wikipedia.org/wiki/Dynamic_stochastic_general_equilibrium

должны сами конкретные процессы изучать и регулировать. Вряд ли подобную умозрительную дихотомию теории и практики способны соблюдать и теория, и практика, «генетически» связанные друг с другом. И вряд ли ущербные микроэкономические принципы могут служить базой даже для абстрактной, упрощенной макроэкономической теории. Ниже мы приводим (с некоторыми сокращениями) наш перевод выступления Солоу.

«Мы все ещё находимся у дна глубокой и продолжительной рецессии, наше ближайшее будущее неопределенно, отчаянно не хватает рабочих мест, и при том подходе к макроэкономике, который доминирует среди серьезных ученых, в наших элитных университетах и во многих центральных банках и других влиятельных политических кругах, невозможно сказать что-либо по существу названных проблем. Этот подход не только не предлагает выхода или понимания, он вообще не позволяет сказать ничего полезного. Моя задача – в течение нескольких минут постараться объяснить, почему этот подход провалился и был обречен на провал»⁹.

«Я, в общем, вполне традиционный экономист мейнстрима. Я думаю, что основной состав (body) экономического анализа, который мы нарастили и которому мы учим наших студентов, вполне хорош; нет необходимости менять его каким-либо кардинальным образом, и никто не предлагает приемлемой замены. Конечно, имеются важные проблемы в нашем понимании экономики, и множество такого, что нам представляется ясным, а на самом деле таковым не является. Это почти неизбежно. Национальная – не говоря уже о мировой – экономика невообразимо сложна, и ее природа обычно изменчива под нами... Экономическая теория всегда и неизбежно слишком проста; это неизбежно. Тем более важно выявлять глупость, где бы она ни появлялась. Особенно когда речь идет о таком важном предмете, как макроэкономика, экономист мейнстрима вроде меня настаивает, чтобы каждое предположение проходило тест на запах (smell test): имеет ли оно смысл? Я не думаю, что популярные теперь модели DSGE проходят тест на запах. Они принимают как само собой разумею-

9. Текст этого выступления озаглавлен так: «Создадим экономическую науку для реального мира».

щееся, что об экономике в целом можно думать как о единой, определенной персоне или династии, выполняющей рационально составленный, долгосрочный план, время от времени нарушаемый неожиданными шоками, но приспособливающейся к ним рационально и последовательно. Я не думаю, что эта схема проходит тест на запах. Защитники подобной идеи претендуют на респектабельность, утверждая, что она базируется на наших знаниях о макроэкономическом поведении, однако, по моему мнению, данное утверждение является в общем ложным. Эти защитники, несомненно, верят в свои аргументы, но они, возможно, перестали дышать носом либо вовсе потеряли обоняние. Это трудно объяснить, но я постараюсь. Многие экономисты хотят верить, что большинство индивидуальных агентов – потребители, инвесторы, заемщики, кредиторы, рабочие, наниматели – принимают решение так, чтобы, насколько возможно, улучшить свое положение при данных возможностях и информации. Ясно, что они не всегда ведут себя столь рационально, и систематические отклонения вполне заслуживают изучения. Но во многих случаях это неплохое первое приближение. Школа DSGE популяризирует свое упрощенное представление об экономике – напомним, что вся экономическая теория трактует об упрощенных экономиках, как биология об упрощенных клетках – с одной единственной комбинацией рабочий–собственник–потребитель и т.д., кто тщательно составляет планы на будущее и живет вечно. Одним из важных выводов из этой предпосылки о «представительном агенте» является отсутствие конфликтов интересов, несовместимых ожиданий, обмана. Этот всецеловой (all-purpose) распорядитель (decision-maker), по существу, управляет экономикой в соответствии со своими предпочтениями. Не прямо, разумеется: экономика должна действовать посредством в общем хорошо функционирующих рынков и системы ценообразования. Под давлением скептиков и потребности учитывать фактические данные конструкторы DSGE-моделей много потрудились, чтобы включить различные трения и несовершенства рынка, вроде жесткости цен и зарплат, асимметрии информации, временные лаги и т.д. Все это похвально. Но основная идея состоит в том, чтобы трактовать экономику в целом так, как будто она похожа на персону, старающуюся сознательно и ра-

ционально делать все, что возможно, в пользу репрезентативного агента при существующих обстоятельствах. Это не может служить адекватным описанием экономики, которая явно не преследует общей цели. Если политика проводится на такой основе, то думающий человек, осознав это, вправе спросить: на какой планете он находится? Выразительным примером служит то, что в моделях DSGE нет места для того типа безработицы, который мы большей частью наблюдаем, особенно теперь: безработица, которая является чистой растратой. Имеются компетентные работники, готовые работать за существующую зарплату и даже за несколько меньшую, однако потенциальная занятость заперта крушением рынка. Экономика не в состоянии организовать выгодную для всех ситуацию, хотя такая ситуация вполне достижима. Такого рода результат несовместим с утверждением, что экономика рационально преследует разумную цель. Единственный путь, на котором модель DSGE и ей подобные способны трактовать такую безработицу, состоит в том, чтобы представить её добровольной, выбором в пользу досуга или желанием обрести некую гибкость на будущее и т.п. Но это такой сорт объяснения, который не проходит тест на запах. Разработка подобных идей не просто интеллектуальная игра, хотя отчасти и игра тоже. В той мере, в какой рассматриваемая экономика действительно делает всё, что в ее силах при данных обстоятельствах, она уже оптимально адаптируется к любым ожидаемым и неожиданным потрясениям. И не может лучше. Отсюда следует, что сознательная государственная политика могла бы только ухудшить ситуацию. Если правительство обладает лучшей информацией, чем правительственный агент, все, что оно должно сделать, это опубликовать данную информацию. Если цены недостаточно гибкие, правительство способно повысить эту гибкость, атакуя монополии и ослабляя профсоюзы. Такое предложение сомнительно само по себе. Вывод, который я делаю, состоит в том, что модель DSGE бесполезна для антиреcessionной политики, поскольку в ее принципиально несостоятельные предпосылки встроено «заключение», что макроэкономическая политика не нужна. Я полагаю, мы недавно видели, насколько это неверно для экономики, привязанной к финансовой системе, для которой характерно высокорискованное соотношение кредита и собственно-

го капитала банков при слабом регулировании. Но я считаю, что это заключение было столь же ложным и для предшествующих рецессий (так же, как и для периодов инфляционного перегрева), у которых был иной механизм. Существуют иные традиции, обладающие лучшими подходами к проблемам макроэкономики».

Можно догадаться, что к этим «лучшим традициям» Солоу относит полукейнсианскую версию мейнстрима («неоклассический синтез»), которая доминировала на протяжении четверти века до «стагфляции» 1970-х гг. (и в разработке которой участвовал сам Солоу), но потом была вытеснена монетаризмом и теорией рациональных ожиданий (их в своем выступлении Солоу и критикует).

Из речи Солоу следует, что в теории микроэкономики менять ничего не следует, а вот макроэкономику следует сменить, включив в теорию и в модель: дифференциацию агентов рынка и их целей, конфликты интересов, несовпадение ожиданий, обман, «изменчивость природы» экономики. Как совместить неизменность современной микротеории с новыми требованиями к макротеории – известно, наверное только самому Солоу.

2.2. За радикальный пересмотр предмета экономической науки

Характерно, что с радикальными оценками и предложениями выступила группа известных европейских и американских специалистов по моделированию финансовых рынков – А. Кирман, Д. Коландер, Г. Фельмер и другие, опубликовавшие в 2009 г. материал под названием «Финансовый кризис и системный провал академической экономической науки»¹⁰. Эти авторы пишут: «... развитие экономики как научной дисциплины было в значительной степени обусловлено желанием объяснить некоторые явления – безработицу, циклы бума и спада, финансовые кризисы, но доминирующая теоретическая модель исключает многие эко-

10. The financial crisis and the systemic failure of academic economics // Вопросы экономики 2010. №6 под названием «Финансовый кризис и провалы современной экономической науки». В названии упущены два момента: авторы подчеркивают, что это провал именно академической (т.е. университетской, общепринятой) науки, а не всей науки, и что это не частичный, а системный ее провал, т.е. провал системообразующих принципов университетской науки.

номические аспекты, которые могут привести к кризису... Корни этой неудачи уходят глубоко в методологию. Часто употребляемое определение предмета экономической науки (проблема оптимального распределения ограниченных ресурсов) неточно и может ввести в заблуждение. Оно сводит экономику к изучению оптимальных решений в рамках четко поставленной задачи выбора. Авторы подобных исследований обычно упускают из виду сложную динамику экономических систем и присущую им нестабильность. Неадекватное представление о предмете экономической науки часто приводит к тому, что исследователи пренебрегают проблемами координации во взаимодействии агентов и возможностями ошибок в этой координации» (с.12)

Наука, игнорирующая существенные аспекты реальности, не только бессильна в прогнозировании этой реальности, но и опасна, поскольку порождает такие теоретические модели, которые способны активно влиять на эту реальность в деструктивном направлении. «Специалисты по теории финансов, разработавшие теоретические модели, на которых построена современная финансовая архитектура, осознавали серьезные и нереалистичные ограничения, введенные в их модели, чтобы обеспечить стабильность. Тем не менее специалисты по финансовой экономике мало информировали общественность о недолговечности (т.е. расчете на короткий период стабильности. — Ю.О.) своих моделей, даже если видели, что индивиды и фирмы строили финансовую систему, исходя из их разработок» (с.13)

В итоге А. Кирман, Д. Коландер, Г. Фельмер и др. приходят к выводу об ответственности ученых за развитие кризиса и о необходимости пересмотреть основные принципы экономической науки. «Игнорирование наиболее распространенных проблем современной экономики и неспособность публично заявить об ограничениях и допущениях своих основных моделей накладывают на профессиональных экономистов определенную ответственность за развитие нынешнего кризиса. Они не справились со своей обязанностью обнаруживать и как можно точнее объяснять внутренние механизмы функционирования экономики, исследуя опасности, связанные с кризисом. Они неохотно говорили о неполноценности своего анализа. Мы полагаем, что неспособность академиче-

ских экономистов предвидеть актуальные проблемы международной финансовой системы и неадекватность стандартных моделей макроэкономики и финансов пониманию происходящих событий может стать веским аргументом в пользу принципиального изменения направлений исследования и пересмотра основных теоретических принципов современной экономической науки» (с.25).

Коландер особое внимание обращает на сложившуюся систему преподавания на экономических факультетах университетов. В настоящее время она сводится к научению построения математических моделей при полном игнорировании как истории экономики, так и истории экономической мысли и при абстрагировании от институциональных и организационных аспектов современного хозяйства. Выпускники этих факультетов владеют экономико-математическим инструментарием формально, будучи не в состоянии его использовать применительно к реальным ситуациям в хозяйстве, а тем более к прогнозированию.

Коландер считает необходимым радикально изменить ситуацию, не отказываясь при этом от акцента на экономико-математическое моделирование.

Во-первых, необходимо соединить изучение моделирования с изучением истории экономики, экономической мысли и современных институционально-организационных структур хозяйства.

Во-вторых, разделить студентов на две категории, первая из которых специализируется на методах построения экономико-математических моделей, а вторая – на способах их применения и решения конкретных проблем в конкретных сферах хозяйства в меняющихся исторических условиях.

2.3. Об истории разработки, использования центробанками макроэкономических моделей и причинах провала

Как уже отмечено выше, в 1990-е годы и в начале 2000-х (т.е. вплоть до кризиса 2008–2009 гг.) произошла, по мнению Вудфорда, «значительная конвергенция» противостоящих позиций и борьба между ними прекратилась. «Прекращение методологи-

ческой борьбы внутри макроэкономики произошло в основном благодаря развитию нового синтеза Мэрвином Гудфрендом и Робертом У. Кингом (1997), названного «Новый неоклассический синтез», который включил важные элементы каждой из, казалось бы, непримиримых традиций макроэкономической мысли» (с. 268–269).

Вудфорд считает, что конвергенция произошла под влиянием «аргументов и опыта», а также «прогресса в макроэкономическом анализе, давшем возможность убедиться, что альтернативы, между которыми предшествующие поколения считали необходимыми делать выбор, не так уж сильно несовместимы, если их исследовать более глубоко» (268).

Однако, как будет видно из дальнейшего, «синтез» оказался явно неравноправным. Уступка «новых классиков», согласившихся (в отличие от прежних монетаристов) строить вместе с новыми кейнсианцами краткосрочные структурированные модели, по существу, была не уступкой, а «захватом», поскольку было выброшено кейнсианское содержание этих моделей и вместо него внедрены принципы общего равновесия и рациональных ожиданий (т.е. принципы «новых классиков»). Кейнсианское содержание моделей опиралось на принцип неопределенности, при котором допускалось как равенство, так и хроническое неравенство спроса и предложения на ресурсы, равенство и неравенство сбережений и инвестиций (при общей тенденции к избытку сбережений над инвестициями, избытку предложения ресурсов над спросом). Конкретное соотношение спроса и предложения в данный период ставилось в зависимость от состояния «психологии рынка» — с одной стороны, технического прогресса и других экзогенных факторов — с другой стороны. Такой «синтез» мог возникнуть только в условиях длительного относительно спокойного развития, когда в условиях либерализации сохранялась сравнительно высокая занятость. Поэтому с наступлением кризиса 2008–2009 гг. тяготеющие к кейнсианству теоретики мейнстрима немедленно заявили о своем неприятии «новой классики» и монетаризма (П. Самуэльсон, Р. Солоу и др.), от «синтеза» стали отмежевываться и некоторые из тех экономистов, которые ранее его поддерживали (Э. Фелпс).

«В 1960-е и начале 1970-х гг. основной водораздел шел между неокейнсианцами и монетаристской школой. Это был не только диспут — какая из двух кривых (IS или LM) более эластична в отношении нормы процента, или какая политика (денежная или фискальная) более эффективна при управлении совокупным спросом, как это иногда изображалось в учебных курсах для студентов. В действительности, эти две школы имели две разные концепции экономики и, как следствие, часто выступали друг против друга. Кейнсианцы доказывали ценность структурных эконометрических моделей, которые могут быть применены для предсказания краткосрочных эффектов альтернативных правительственных мер. Решая эти задачи, они не требовали, чтобы отношения, составляющие их модели, можно было интерпретировать в категориях какой-либо экономической теории (разве что относительно свободно), но зато требовали эмпирической релевантности моделей на базе их соответствия агрегатным временным рядам. Монетаристы же скептически относились ко всему этому проекту. Они отрицали возможность надежного моделирования процессов краткосрочного приспособления и вместо этого подчеркивали значение более здравых прогнозов, которые обеспечивает экономическая теория долгосрочного развития. Они ставили под сомнение пользу от структурных эконометрических моделей и предпочитали основывать свой позитивный и нормативный анализ на схемах, демонстрирующих совместное движение агрегатных временных рядов и на повествовательных отчетах об экономическом развитии. Они насмехались над надеждой «отрегулировать» деловой цикл с помощью количественных моделей.

В конце 1970-х и в 1980-х годах темы дебатов изменились с ростом значения «Новой классической» школы и теории реального делового цикла. В некотором роде могло показаться, что Новые классики просто приобрели новых сторонников монетаризма, защищая многие из его тезисов, но с более современным оружием. На самом же деле их методологическая позиция была совсем иной. И Новые классики, и теоретики реального делового цикла в качестве центральной задачи макроэкономики выдвинули построение структурных моделей краткосрочных колебаний, принципиально отличающихся от тех, которые строились

кейнсианскими модельерами, тем, что здесь требовалась связанная макроэкономическая модель со строго определенной межвременной структурой общего равновесия. Центральным водоразделом между макроэкономистами стало уже не отношение к вопросу, строить или нет модель именно для краткосрочной динамики, а ответ на вопрос о том, что более важно: настаивать на теоретической связанности в модели, даже если это означает обходиться без эконометрического подтверждения (это позиция Новых классиков и теоретиков реального делового цикла), или же настаивать на эконометрическом тестировании, даже если это означает использование детализации, плохо укладывающейся в рамки теории (позиция кейнсианских макроэконометрических модельеров)» (с.267–268).

Модели DSGE или близкие к ним, используемые центральными банками США и ряда других стран, а также МВФ, Европейским ЦБ, получили диаметрально противоположные оценки Вудфорда (который выступал перед началом кризиса 2008–2009 гг.) и у Коландера (писавшего после кризиса). За что Вудфорд хвалит, а Коландер критикует эти модели?

Вудфорд считает, что эти модели воплотили в качестве своих предпосылок ряд взаимосвязанных прогрессивных идей в теории и в математическом моделировании. В частности, включена долгосрочная динамика, отвечающая предпосылке равновесия. Включена эндогенная эволюция ожиданий, но такая эволюция, которая отвечает предпосылке рациональности этих ожиданий. Включена приспособительная динамика, которая базируется на предпосылке динамической оптимизации решений. Итак, построена цепь аксиом: ожидания агентов рынка эволюционны, рациональны, ориентированы на модель равновесия; их решения ориентированы на динамический оптимум (предполагается молчаливо, что микрооптимизация ведет к макрооптимуму).

Почитаем самого Вудфорда.

«Главная современная модель, используемая ФРС США при проведении своей политики, была разработана в середине 1990-х гг., до недавнего ренессанса исследований по эмпирическим DSGE-моделям; но модель ФРС включила многие находки из научной литературы 1970-х и 1980-х гг. ... Она резко отличалась

от моделей ФРС предшествующего поколения тем, что уделяла гораздо больше внимания моделированию эндогенной эволюции ожиданий и позволяла проведение модельных симуляций при предположении согласующихся с моделью (или рациональных) ожиданий, среди прочих ее возможностей. Разработчики модели уделили значительно больше внимания тому, чтобы она включала долгосрочную динамику, согласующуюся с моделью равновесия. Например, динамика государственного долга и внешнего долга должны были удовлетворять требованию возможной взаимозаменяемости (transversality). Наконец, приспособительная динамика была смоделирована не путем простого добавления произвольных лагов к структурным соотношениям, и даже не путем специальной частично-приспособительной динамики, а на основе проблем динамической оптимизации для тех, кто принимает решения, что включает эксплицитные (хотя и гибко-параметрические) издержки приспособления» (с.274).

Как отмечает Вудфорд, примерно в то же время (середина 1990-х гг.) сходные модели были введены в центральных банках Канады и Новой Зеландии для разработки практических мер в рамках «прогнозного таргетирования» как метода денежной политики. В последующее десятилетие (т.е. в 2000-е годы) ещё более «теоретически амбициозные» модели стали применяться в МВФ (модель глобальной экономики), в Шведском Центробанке (RAMSES), Европейском центральном банке (Новая модель ареала), в Норвежском банке (Норвежская экономическая модель).

«Все эти сходные (coherent) с DSGE модели отражают современный методологический консенсус, который мы обсуждали выше, и приведены в соответствие с реальными данными посредством калибровки или байесовских оценок. И все они являются моделями, разработанными государственными организациями для использования при анализе практической политики» (с.276–277).

Обратимся теперь к Коландеру, считающему, что модели DSGE непригодны для прогнозирования и потерпели «практический провал» в силу того, что они исключают:

- сложную динамику;
- стратегическое взаимодействие агентов;

- проблемы структурной институциональной стабильности;
- радикальную неопределенность.

«Даже при соответствующей обработке модель, базирующаяся на DSGE, может быть приведена в соответствие с прошлыми данными, но не способна предсказать будущее экономики или лучше соответствовать типичным данным, чем описательная экстраполяция тренда (*back-of-the-envelope trend*), или чем ее высокотехнический двойник – структурные или коинтегрированные векторные авторегрессионные (VAR) модели. Оправданием модели DSGE, несмотря на ее практический провал, может служить то, что она помогает понять те ограничения, которые налагают предусмотрительные агенты на экономические переменные. Правда, помогает лишь частично. Проблема в том, что современные модели, базирующиеся на DSGE, исключают сложную динамику, стратегическое взаимодействие агентов и проблемы структурной институциональной стабильности, состоящие в том, что стабильность системы зависит от институтов, которые создают агенты, чтобы ограничивать активность. В то же время все перечисленное с интуитивно выявляемой вероятностью (*intuitively likely*) влияет на результаты и взаимодействует с ограничениями, налагаемыми предусмотрительными агентами на проводимую политику. Что ещё хуже, однолинейная концентрация внимания на моделях, базирующихся на DSGE, вела к тому, что исследования сводились к «расстановке точек над “и”» в этих моделях. Это уводило экономистов от изучения более сложных моделей, что, вероятно, сыграло значительную роль в недавнем финансовом кризисе и, возможно, сыграет такую же роль в будущем кризисе» (с. 74).

И далее Коландер приводит самый веский аргумент против этих моделей: «Вопрос, который не был поставлен: является ли «хорошей» такая модель, которая агрегирует предусмотрительных агентов, предполагая, что репрезентативные агенты взаимодействуют несложным образом, что макроэкономика является стохастической и подчиняется определенным вероятностным законам, а не такой макроэкономикой, которая содержит радикальную неопределенность, с которой, как считал Кейнс, имеют дело экономические агенты» (с. 75).

Здесь Коландер отметил существенный и, возможно, ключевой аспект воздействия кризиса на методологию современного экономического анализа: кризис заставляет четко отличать вероятностный подход от подхода с позиции «радикальной неопределенности», за что выступал Кейнс и что было не понято, отвергнуто и забыто экономистами мейнстрима.

Кризис также выявил неспособность эконометрической макромоделей отразить сложную динамику, многоаспектность, противоречивость, разнородность хозяйственной системы и тщетность надежды создать такую единую модель при ограниченности возможностей математики.

«Мы сможем начать думать о том, что такое хорошая модель, только тогда, когда поймем, что мы не движемся к единой «истинной» модели. Мир сложен, а наши аналитические инструменты ограничены. Мы должны прекратить рассматривать модель как истину; алгоритмические модели дают нам не истину, а понимание проблем. Таков путь, которым шли классики, и Кейнс тоже. Это метод, который современная экономическая наука забыла и которому следует учиться заново» (с.75).

Таким образом, Коландер в отношении макромоделей делает два вывода. Во-первых, моделирование должно опираться на реалистичные предпосылки; во-вторых, его целью должно быть не создание одной всё объясняющей модели, а набора специализированных моделей. Напрашивается суммарный вывод (которого почему-то нет у самого Коландера): необходим общий минимальный набор реалистичных предпосылок для всех специализированных макромоделей (у каждой из которых будут также и свои специфические реалистичные предпосылки)¹¹.

11. Одна из последних разработок модели DSGE представлена в статье «Эконометрика моделей DSGE» Дж. Фернандес-Виллаверде (Пенсильванский университет, США). В ней четыре группы агентов – домохозяйства, фирмы-производители конечного продукта, фирмы-производители промежуточного продукта и государство. Для обозначения десятков переменных использован почти весь греческий алфавит и значительная часть латинского. Модель проверена с использованием пяти временных рядов данных (за 1959-2007 гг.): 1) соотношение оценки инвестирования и потребления, 2) реальный рост производства на душу населения, 3) реальная зарплата на душу, 4) индекс потребительских цен, 5) процентная ставка ФРС. Как мы видим, в модели не выделены финансовые посредники, а во временных рядах – динамика задолженности агентов, и уже этого достаточно, чтобы понять ее бесполезность в прогнозировании финансового кризиса. (Fernandez-Villaverde J. The econometrics of DSGE model // Series. 2010. N. 3. P. 49).

Концепция «периодического долговременного нарастания риска» против принципа «общего равновесия»

Нобелевский лауреат (2001 г.) Майкл Спенс в книге «Следующая конвергенция» выдвинул концепцию, которая, по существу, отвергает возможность «общего рыночного равновесия» в долгосрочном плане (в плане десяти и более лет)¹². Он аргументирует эту позицию тем, что механизм саморегулирования рынка в длительном плане отсутствует, а механизм государственного регулирования не может быть эффективным. В результате почти неизбежно периодическое нарастание нестационарного системного риска (т.е. риска неожиданного возвращения кризисов масштаба 2008–2009 гг.), а принимаемые меры способны лишь смягчить кризисные шоки.

Следует учесть, что Спенс излагает свою концепцию в весьма осторожной и несколько расплывчатой манере, избегая прямых выпадов против теорий мейнстрима (к которому сам ранее примыкал). Поэтому в дальнейшем мы будем излагать взгляды Спенса в виде наших вопросов и ответов (в виде цитат из книги Спенса), предоставляя самому читателю судить, насколько Спенсу удалось опровергнуть постулат, согласно которому чем более длительный период роста берется, тем с большей силой проявляется закон общего рыночного равновесия (М. Фридмен, Р. Лукас-мл., А. Гринспен и др.).

Вопрос: Общее рыночное равновесие предполагает эффективное действие механизма саморегулирования. «Неоклассика» полагает, что таким механизмом является конкурентное ценообразование на товары и услуги. Вы же полагаете, что таким механизмом, особенно в длительном плане, должен служить прежде всего механизм управления риском инвесторами, причем в

12. Спенс М. Следующая конвергенция. М.: Изд-во института Гайдара, 2013. (Ссылки на страницы книги даются в тексте в скобках после цитат.)

длительном плане, нестационарным системным риском. Как вы представляете себе этот механизм?

Ответ: После кризиса основное внимание аналитиков и комментаторов сосредоточено, как это и должно быть, на реформе регулирования, которая сможет привести к большей стабильности и к снижению вероятности периодических шоков подобного типа. Но этим дело не ограничивается. Кризис не является провалом одного лишь регулирования. Это еще и результат провала саморегулирования. Что такое саморегулирование? Это предполагаемая способность участников рынка обнаруживать изменения степени риска и реагировать на эти изменения (так, чтобы масштаб реакций был достаточным) для уменьшения кредитного плеча и пузыря на рынке активов. Если бы саморегулирование существовало, оно уменьшило бы величину пузыря и кредитного плеча и позволило бы избежать такого крутого пике. (В скобках дана моя коррекция перевода. – Ю.О.)

Во время нынешнего кризиса этот защитный механизм саморегулирования оказался полностью несостоятельным, и это свидетельствовало о том, что модели, используемые для оценки рисков, неполны и недостаточно динамичны» (с. 215).

Вопрос: Вы предлагаете инвесторам (включая финансовых посредников) в качестве «защитного щита саморегулирования» от системного риска реструктуризацию портфеля активов (в пользу более ликвидных, хотя и менее доходных активов), сокращение кредитного плеча (что означает снижение доходности банков), введение страхования системного риска (также весьма дорогое «удовольствие» для инвесторов). Достаточно ли этих мер без участия государства?

Ответ: Если согласиться с мнением, что периодические обострения системного риска, вероятно, станут неотъемлемой чертой нашего будущего (как они были ею и в нашем прошлом), то что можно сделать для смягчения воздействия шоков, когда они происходят? Во-первых, если инвестор думает, что способен обнаружить модель нарастающего системного риска, он может принять меры защиты в форме изменения структуры своего портфеля и (или) увеличить «страховочные» активы (страхование побочных рисков), которые смягчают шок... Разумеется, страхование зави-

сит от способности контрагентов избежать краха, а в этом нельзя быть уверенным в случае серьезного шока наверняка, если только поддержку «погибающим», оказавшимся в чрезвычайно бедственном положении, не окажет государство (с.221).

Вопрос: По каким индикаторам инвестор может судить об опасном нарастании системного риска?

Ответ: По этому вопросу существует огромное разнообразие мнений. Одни говорят, что пузыри не обнаружить до тех пор, пока они не возникнут. Другие утверждают, что вся необходимая информация имеется и ее можно собрать в любое время. Есть и третьи, которые не согласны ни с первыми, ни со вторыми и делают себе имя и состояние отчасти на ожиданиях бедствий в виде нестабильности или отсутствия устойчивости.

Я считаю, что, хотя нынешняя теория динамики финансового рынка и эволюции его структуры рисков далеко не полная, есть полезные показатели и есть инвесторы и аналитики, уделяющие системному риску особое внимание. Во время недавно пережитого нами кризиса растущее соотношение совокупного долга к ВВП, растущее соотношение цен на недвижимость к величине арендной платы и не нормально низкое распределение рисков могли побудить инвесторов действовать более осторожно» (с.221–222).

Вопрос: Но почему инвесторы и многочисленные аналитики (ученые, эксперты по проблемам риска), услугами которых инвесторы пользуются, оказались столь безразличны к признакам нарастающего системного риска накануне 2008 года? То ли они не понимают скрытые (как у айсберга) масштабы системного риска, его нестационарную природу, то ли имеют ошибочное представление о механизме рынка в целом, о его институциональной и организационной структуре? А может, они не были заинтересованы в том, чтобы учитывать системный риск, ибо это понизило бы их текущие доходы? Возможно, действуют одновременно множество источников наращивания системного риска, взаимодействие которых готовит крушение общего равновесия рынка?

Ответ: Главная цель реформы регулирования после кризиса должна заключаться в выявлении и ограничении системного риска... Можно исходить из предположения о том, что проблема

периодического обострения системного риска в конце концов будет решена и мы вернемся в более комфортный мир сравнительно стационарного риска без периодических дисбалансов. На мой взгляд, по ряду причин рассчитывать на это не стоит. Прошлые данные позволяют предположить, что проблема носит хронический характер и плохо поддается решению. Финансовые инновации будут появляться и дальше. Динамические источники системного риска лежат отчасти в развивающейся сетевой структуре финансовых рынков... Вряд ли к нам внезапно придет четкое понимание происходящего, которое затем найдет свое отражение в эффективных системах регулирования. Наконец, факторы, способствующие усилению системного риска на международном уровне (такие, как глобальные дисбалансы), приобретают все большее значение, и мы располагаем весьма ограниченными возможностями для того, чтобы справляться с ними. Поведение индивидуальных инвесторов и дальше будет создавать системный риск. Простая истина заключается в том, что индивидуальные инвесторы увлечены погоней за прибылью и имеют различные, но часто весьма ограниченные возможности оценивать риски, особенно периодический системный риск. И это положение вряд ли изменится (с.223).

Вопрос: Исходя из всего сказанного, правильно ли сделать вывод, что макроэкономическая теория должна быть перестроена так, чтобы в качестве ее базового постулата служила не предпосылка о стремлении рыночной системы к общему равновесию и циклическому росту, а предпосылка о долговременном нарастании системного риска с неопределенной периодичностью, с меняющейся структурой источников риска и с изменчивыми механизмами нарастания системного кризиса? И можно ли считать, что именно эта предпосылка должна служить основой перестройки государственной и международной системы макрорегулирования? Или же выделение и учет фактора системного долговременного риска является лишь простым дополнением к уже существующим рекомендациям по краткосрочному и среднесрочному регулированию?

Ответ: Периодическое возрастание системного риска, вероятно, будет повторяться и дальше. Это должно сказаться на

инвестиционной стратегии в нескольких отношениях. Кратко- и среднесрочные доходы, особенно если они высокие, не стоит принимать за точные сигналы о долгосрочной доходности, если есть компонент риска, который по природе своей носит периодический и системный характер. Аналитические исследования и институциональные действия должны включать регулярную оценку системного риска с привлечением внешних экспертов и ресурсов в сочетании с внутренней оценкой. И когда оценка этого требует, должны предприниматься защитные действия в форме корректировки портфеля и страхования побочных рисков (с.226–227).

Вопрос: Что касается микротeorии, то концепция периодического долговременного возрастания системного риска и здесь требует нового подхода? Правильно ли считать, что инвесторы должны закладывать во все свои стратегии не только долгосрочные, но и кратко- и среднесрочные, учет системного риска, если они не хотят нести крупные потери?

Ответ: В основу инвестиционных стратегий не следует класть свойства, проявляемые системой в нормальные времена. Формулируя инвестиционные стратегии, не стоит исходить из неявного предположения о том, что периодическая нестабильность ненормальна. Сложности, связанные с оценкой системного риска, и непредсказуемость момента наступления нестабильности остаются тем, что они были всегда, то есть проблемами, а не причинами для игнорирования этих явлений (с.227).

Это последнее высказывание в книге Майкла Спенса с точки зрения формальной логики противоречиво, поскольку термин «нормальный» в одной фразе характеризует относительное равновесие рынка, а в следующей фразе – нарушение этого равновесия вследствие нарастания нестабильности. Но такова реальность рыночной динамики: за саморегулированием и относительным равновесием рынка в краткосрочном и среднесрочном плане скрывается долгосрочное нарастание предпосылок системного кризиса.

Должна ли экономическая теория исходить из того, что данное противоречие – неотъемлемое свойство рыночно-капиталистической системы? Спенс, видимо, склоняется, к этому выводу. Однако ряд других экономистов (в частности, Стиглиц,

Манделл, Скидельский, Кругман, Акерлоф) полагают, что угрозу повторения глобальных кризисов несет в себе не всякий рыночный капитализм, а та его модель, которая сложилась в 1980-е — 1990-е гг. при активном участии либертарианских теорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фундаментальная неопределенность рынка как дамоклов меч над мейнстримом

До кризиса основная линия исследований состояла в решении отдельных задач динамической оптимизации: эффективности, занятости, инфляции, цикличности, валютных курсов, распределения и др. исходя из предпосылки об общем рыночном равновесии как данном. Общее долговременное влияние кризиса на экономическую науку — перемещение основной линии исследований на изучение экономических, институциональных, социальных, психологических, политических предпосылок достижения устойчивого динамического равновесия рынка как задачи и выявление факторов и процессов, подрывающих это равновесие в краткосрочном и долгосрочном плане. Соответственно меняется и угол зрения на прогнозирование — как краткосрочное, так и долгосрочное, и на отношение науки к государственному контролю и регулированию.

В структурном плане можно ожидать резкого увеличения внимания к двум взаимосвязанным сферам — теории финансов и теории государственного контроля над рынком. И та и другая отрасль знания, видимо, будут перестроены и в определенном смысле перевернуты с головы на ноги: исходными понятиями вместо микрориска станут макрориск и системный риск. Изменится подход к международным проблемам: на первый план выдвигается изучение условий устойчивого динамического равновесия в глобальном, региональном и национальном масштабах (тогда как до

кризиса в центре внимания находилась проблема сравнительных темпов роста). При изучении социально-экономических проблем (занятости, распределения и перераспределения доходов) влияние этих проблем на динамическое равновесие рынка почти игнорировалось (до кризиса); в дальнейшем же критерий динамического равновесия будет, видимо, важным элементом анализа этих проблем. Столь же значительные перемены, видимо, ожидает подход к проблеме стимулов вообще и в финансовой сфере — в особенности. Комплексное изучение «пузырей» (цены, кредит, страхование, деривативы, стимулы, взятые во взаимосвязи) покажет, что рыночное «саморегулирование» эти «пузыри» и порождает, а «ошибочное» госрегулирование этому способствует. Кризис и его последствия показали, что количественный анализ связей и соотношений в экономике явно недостаточен для выявления процессов нарастания или ослабления макрориска, его необходимо дополнить качественным анализом этих связей и соотношений, для чего необходимо использовать методы психологии, социологии, культурологии, политологии, т.е. междисциплинарный подход.

Кризис и его последствия со всей силой выявили фундаментальную неопределенность рынка. Из всех направлений мысли только кейнсианство поставило эту проблему (но в исторически ограниченной форме). Теперь всем направлениям мысли, чтобы осознать непознаваемую (в существенной мере) сложность экономики в настоящем и (в ещё большей мере непознаваемую) сложность её в будущем, необходимо перестраивать свой понятийный аппарат. Все это, в свою очередь, будет влиять на применение в экономике математического аппарата. Попытки представить макроэкономику (одной страны, региона, всего мира) в виде определенной экономико-математической модели и с ее помощью разрабатывать текущую политику либо прогнозировать будущее, оказались в общем неудачными. Ибо экономическая динамика слишком сложна, а возможности ее математического описания ограничены. Дальнейшее развитие, по мнению ряда эконометристов, пойдет по линии разработки многих специализированных моделей, применимых для решения определенных проблем в конкретных типовых ситуациях. При этом будет постоянно стоять вопрос — какую модель следует использовать для реальной

проблемы в данной конкретной ситуации? Решающее слово тут будет принадлежать не «конструкторам» моделей, а тем эконометристам, которые способны исследовать реальную ситуацию эмпирическими методами, на основе непосредственного изучения данных.

При исследовании проблем краткосрочного периода наиболее заметным и широким последствием кризиса для экономической науки будет, скорее всего, развитие поведенческой экономической теории, впитавшей элементы кейнсианства, институционализма, социальной психологии и стремящейся к объединению с неоклассикой.

Что касается фундаментальной неопределенности, относящейся к будущему (которая оказывает воздействие и на настоящее), то, во-первых, будут, вероятно, разрабатываться многие альтернативные сценарии в рамках безальтернативных ограничений со стороны таких факторов, как демография, основы человеческой психики, природные ресурсы, реальные возможности науки и техники на прогнозируемый период. В этих рамках в числе прогнозируемых альтернативных сценариев будут присутствовать не только позитивные, но и те негативные, которые реализовались в прошлом (например, глобальный кризис, мировая война, революция, гражданская война, падение гигантского метеорита, оледенение, сверхмощные землетрясения и извержения вулканов и т.п.). Экономической науке (в том числе и теории) придется возродить практику разработки долгосрочных государственных программ, от которых фактически отказались ещё в 1980-е годы. Кризис 2008–2009 гг. показал, что рыночное саморегулирование вообще, фондовые биржи и крупные корпорации склонны направлять инвестиционные потоки по неэффективным (в длительном плане), ложным (деформирующим национальное и глобальное равновесие) и опасным каналам.

Долгосрочные программы в области инфраструктуры, энергетики, научно-технологического прогресса, охраны природы, здравоохранения, образования и др. призваны, помимо прочего, определить стержневые направления экономического развития и тем самым резко ограничить неопределенность рынка. Эти программы должны будут опираться на теорию потребностей (как

составную часть микро- и макродинамики), которая включает теорию социодинамики, но в общем виде пока не разработана. При этом наука должна будет выявить оптимальную меру ограничения неопределенности, дабы не нарушить сам конкурентный рыночный механизм и его созидательный потенциал.

В целом же подход к прогнозированию эволюции теории должен четко отличать *желаемые* направления от тех, которые определяются *реальными факторами* этой эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

Акерлоф Дж., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М.: Альпина бизнес букс, 2010.

Кирман А., Коландер Д., Фельмер Г. и др. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. 2010. №6.

Ольсевич Ю.Я. Когнитивно-психологический сдвиг в аксиоматике экономической теории. Альтернативные гипотезы. С-П.: Алетейя, 2012.

Ольсевич Ю.Я. Камо грядеши? Экономическая наука и политика перед фундаментальной неопределенностью рынка // Мир перемен. 2011. №4.

Сакс Дж. Цена цивилизации. М.: Изд-во института Гайдара, 2012.

Спенс М. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изд-во института Гайдара, 2013.

Стиглиц Дж. Крутое пике. Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: Эксмо, 2011.

Colander D. MONIAC, Modeling and Macroeconomics // Economy Politica a XXVIII, numero special, Dec. 2011.

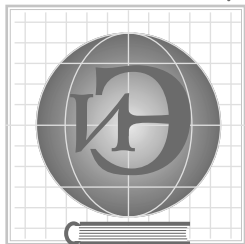
Fernandez Villaverde, Jesus. The econometrics of DSGE model "Series" 2010

Hausman Daniel M. Mistakes about preferences in the social sciences // Philosophy of the social sciences. 2011. N 41, published by "Sage".

Solow R. Bulding Science of Economics for the Real World.
July 20,2010. <http://en.wikipedia.org/wiki/Dynamic-stochastic-general-equilibrium>

Woodford M. Convergence in Macroeconomics: Elements of
the New Synthesis // American Economic Journal: Macroeconomics.
2009. N 1.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

Ольсевич Ю.Я.

Современный кризис «мейнстрима» в оценках его представителей
(предварительный анализ)

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Пуцаева Л.Д.*

Компьютерная верстка *Сухомлинов А.Р.*

Подписано в печать 28.03.2013. Заказ №18

Тираж 300 экз. Объем 2,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0420-3

9 785994 004203